

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 911.373.2(470)

А.И. Алексеев¹, С.Г. Сафронов²ИЗМЕНЕНИЕ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ В РОССИИ
В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА³

Трансформация сельского расселения России рассматривается как с традиционной расселенческой точки зрения, так и шире, с учетом изменения функций сельских поселений. На основании результатов переписей населения 1970, 1989 и 2010 гг. проанализирована динамика численности сельского населения, густоты и людности сельских поселений в позднесоветский и постсоветский периоды. Общая тенденция в эволюции сельского расселения — сокращение численности сельских жителей на фоне их концентрации во все более крупных поселениях — в разных частях страны реализовывалась не одновременно и в сочетании с разными конкретными вариантами трансформации структуры сети по людности поселений. Постепенное “проседание” всей сети с медленным уменьшением средней людности происходит в относительно благополучных регионах лесостепной зоны. “Обвал” сети типичен для областей Нечерноземья с уменьшением числа средних по числу жителей поселений за счет их измельчания и перехода в разряд мельчайших. Лишь для небольшого числа регионов Юга России характерно постоянное укрупнение людности поселений при сохранении общего рисунка сети.

Эти процессы начались еще в советский период под влиянием преимущественно внешних, экзогенных по отношению к сельскому расселению факторов, в первую очередь развития процесса урбанизации. В постсоветский период все большее значение стали играть факторы, имеющие иную, эндогенную природу, т.е. трансформирующие сельскую местность изнутри. Прежде всего, это изменение экономической основы села, а вместе с ней и функций многих сельских поселений, утративших поселкообразующую базу в виде подразделений коллективных сельхозпредприятий. Не менее важен и быстрый рост пригородного сельского расселения, имеющего иной набор функций, развивающегося под влиянием иных факторов и формирующего иного сельского жителя, чем традиционная сельская местность.

Ключевые слова: сельское расселение, плотность населения, густота поселений, людность поселений, пригородное расселение, трансформация структуры занятости, картографирование сельского расселения.

Введение. Интерес к изучению сельского расселения в отечественной науке обусловлен особой ролью сельской местности в сохранении и развитии всего исторического обитаемого пространства России, а значит, и сельского расселения, выступающего в качестве ее каркаса. Хотя по доле городского населения Россия вполне сравнима с развитыми странами, глубина этой урбанизированности весьма относительна. Российская сельская местность имеет свое продолжение в городах, подавляющая часть жителей которых — горожане в первом или втором поколении, для которых сельские ценности по-прежнему играют очень большую роль.

Сельское расселение в отечественной науке изучали специалисты разных направлений, одно из ключевых — в качестве неотъемлемой части процесса колонизации, который многие специалисты рассматривали как осевой для русской истории

[Любавский, 1909]. В советский период большинство сельских поселений считались элементами колхозно-совхозной организации сельскохозяйственного производства, поэтому выделялись такие типы поселений, как центральные усадьбы колхоза/совхоза, поселки отделений и бригад, прифермские и др. [Ковалев, 2013]. Начиная с 1960-х гг. в связи с сселением неперспективных деревень, которое в общественном сознании было гипертрофированно воспринято как очередное преступление советской власти, ключевыми темами стали устойчивость сельских поселений и перспективы их типов, реальное же значение этой кампании было далеко не столь значительным [Алексеев и др., 1980]. Хотя негативные тенденции в сельском расселении стали проявляться еще в конце советского периода, но в большинстве научных исследований речь шла о развитии сельского расселения.

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, кафедра экономической и социальной географии России, докт. геогр. н., профессор; *e-mail*: alival@mail.ru

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, кафедра экономической и социальной географии России, канд. геогр. н., доцент; *e-mail*: saffff@mail.ru

³ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 13-06-00895).

В постсоветский период экономический спад усилил кризис села в большинстве регионов страны, однако непосредственно сельскому расселению на общероссийском уровне были посвящены лишь отдельные исследования [Казьмин, Чернышева, 2006]. Большинство же работ 1990–2000-х гг., посвященных сельской местности и охватывавших всю страну, было связано с обсуждением конкретных практических задач, например с анализом трансформации сети учреждений социальной сферы [Зубаревич, 2013], сдвигов в сельскохозяйственном производстве или более широкого круга проблем сельской местности [Нефедова, 2012]. Исследовалась и взаимосвязь расселения с подвижностью населения [Алексеев и др., 2007].

Непосредственно сельскому расселению посвящен ряд интересных работ, в которых современные тенденции трансформации сельского расселения обобщались на региональном уровне (например, [Калинина, 2013; Левченков, 2004; Лухманов, 2004; Турун, 2013; Эльдаров, 2008]) или касались ситуации в специфических пригородных ареалах [Зайончковская, Иоффе, 2013].

На первый взгляд основные тенденции трансформации собственно сельского расселения в постсоветский период аналогичны процессам, начавшимся еще в конце советской эпохи. Они были лишь усилены и обострены происходившими в стране социально-экономическими преобразованиями. Однако общестрановые оценки и показатели оказываются не вполне корректны на региональном уровне. Сравнение ситуации в течение двух поздних и постсоветских десятилетий позволяет показать, что они в разное время и с разной скоростью вступали в процесс трансформации сельской местности, а ее результаты и модели такой трансформации в разных частях страны заметно отличаются.

Трансформация сети сельского расселения — лишь индикатор процессов, за которыми стоит ряд факторов, последние можно условно разделить на два типа. *Первый тип* — *экзогенные*, связанные с влиянием на сельскую местность внешних причин, прежде всего урбанизации, усиления притягивающей силы городской среды. Эти факторы опосредованно воздействовали на сельскую местность, “вытягивая” из нее наиболее активное население, и были основными в советский период.

В 1990-е гг. стали усиливаться факторы *второго типа*, имеющие, скорее, *эндогенную природу* и связанные с коренной трансформацией самой сельской местности. Прежде всего это изменение экономической основы села, а вместе с этим и функций многих сельских поселений, утративших поселкообразующую базу в виде подразделений коллективных сельскохозяйственных и лесозаготовительных предприятий. Взамен усиливаются другие функции — селитебные, рекреационные, связанные с предоставлением социальных услуг. Параллельно растет территориальная подвижность сельских

жителей, многие из которых получают основные доходы от деятельности, не связанной с занятостью в аграрной сфере или лесном хозяйстве.

Для анализа этих процессов, чтобы отделить быстрые, но кратковременные изменения, от долговременных тенденций, было выбрано два 20-летних интервала. Кроме того, в связи с переходом государственной статистики на учет населения в разрезе муниципальных образований, а не населенных пунктов анализ тенденций в развитии сельского расселения в перспективе может стать крайне затрудненным.

Результаты исследований и их обсуждение. Динамика численности сельского населения, “административная рурализация”. В целом по России сельское население и в конце советского периода, и в постсоветский период, судя по статистике, меняется незначительно. Однако реальные процессы миграционного оттока сельского населения в города маскируются административными решениями — преобразованием сотен поселков городского типа (ПГТ) в категорию сельских поселений. Всего за период с 1991 по 2010 г. таким образом был изменен статус 725 ПГТ, в результате чего численность сельского населения России искусственно увеличилась на 2,4 млн человек.

Особенно большие изменения произошли в Свердловской области (численность сельского населения выросла на 211 тыс. человек), Башкирии (180 тыс.), Ростовской области (168 тыс.), Алтайском крае (136 тыс.) и Оренбургской области (128 тыс.). В относительных величинах самые большие искажения характеризуют Карелию: более 1/3 ее сельских жителей в 2010 г. — это недавние жители ПГТ; вместе с ними доля сельского населения в республике составляет 22%, а без них 14%. Более 30% сельских жителей составляют недавние жители ПГТ в Свердловской и Сахалинской областях, здесь за счет административных преобразований долю сельских жителей искусственно увеличили в первом случае с 11 до 16%, а во втором с 14 до 20%.

Анализ плотности сельского населения, рассчитанной без учета перевода ПГТ в села, показывает в целом ее постепенное снижение с юго-запада на север и северо-восток (рис. 1). В пределах Европейской России плотность населения закономерно снижается с юга (степная зона с плодородными почвами, почти сплошь распаханная) на север, где сплошная сельскохозяйственная освоенность сменяется сначала выборочной (в зоне смешанных лесов), а затем очаговой (в тайге).

Динамика численности сельского населения также носит почти зональный характер. Большая часть Европейской России (кроме Крайнего Севера и Северного Кавказа) характеризуется высоким темпом убыли населения и в советский, и в постсоветский периоды. Эти регионы имеют наиболее постаревшее (в результате миграционного оттока)

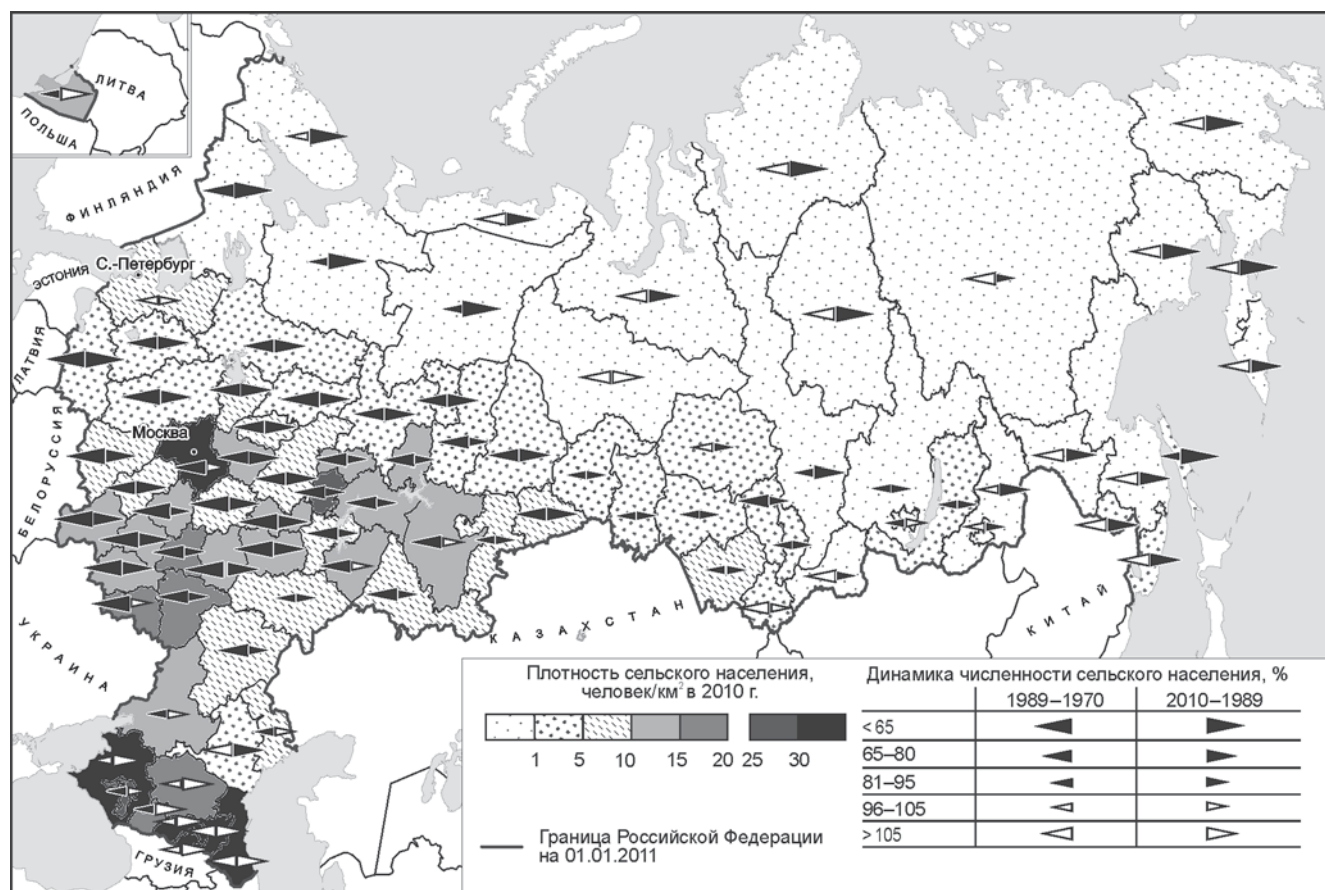

Рис. 1. Динамика и плотность сельского населения в 1970–2010 гг. (без учета поселков городского типа, утративших статус городских поселений; данные по Чечено-Ингушетии приводятся в границах 1989 г.)

население, в результате в них смертность преобладает над рождаемостью. Регионы Северного Кавказа, наоборот, демонстрируют устойчивый рост в оба периода. В равнинные регионы, где преобладает русское население, в последние два века был направлен миграционный приток почти из всех регионов России; в республиках главную роль играл естественный прирост, так как в них демографический переход осуществился позже (в Ингушетии, Чечне и Дагестане он еще полностью не завершен). Крайний Север (от Мурманской области до Чукотки) и Приморье показывают смену тенденции: в советское время государственная политика способствовала их заселению, а ее отсутствие в постсоветский период — быстрому оттоку населения.

Отклонения от “зонального” характера связаны или с быстрым ростом пригородного сельского расселения столичных агломераций и нефтедобывающих районов Западной Сибири, или с приемом в 1990-х гг. приграничными регионами вынужденных мигрантов из стран нового зарубежья.

Густота сельских населенных пунктов (рис. 2) максимальна в Центральной России (Центральный и Центрально-Черноземный экономические районы и их соседи). Этот ареал почти совпадает с показанным на рис. 3 ареалом распространения мелких поселений — здесь самая низкая доля про-

живающих в крупных населенных пунктах (>1 тыс. жителей). Для Северного Кавказа характерна максимальная доля проживающих в крупных поселениях, но даже при высокой плотности населения их густота меньше, чем в Центре. А Крайний Север и азиатская часть России имеют крайне редкую сеть поселений, но большинство жителей живут в крупных селах.

В результате исследований *изменения в соотношении поселений разной людности* установлено, что происходит процесс непрерывной концентрации сельского населения во все более крупных поселениях: доля населения, живущего в мелких населенных пунктах, постоянно снижается (рис. 4). Но соотношение числа сельских поселений имеет более сложную траекторию: число средних и мелких поселений уменьшается, так как в результате уменьшения числа жителей большая часть этих поселений переходит в разряд мельчайших, число которых растет.

Тенденции в сдвигах распределения сельских жителей по поселениям разной людности в регионах России зависят от исходной структуры (рис. 5). На Северном Кавказе, где традиционно преобладали крупные села и население растет или по крайней мере не уменьшается, распределение населения по поселениям разных групп людности почти не меняется (Ставропольский край), а число населен-

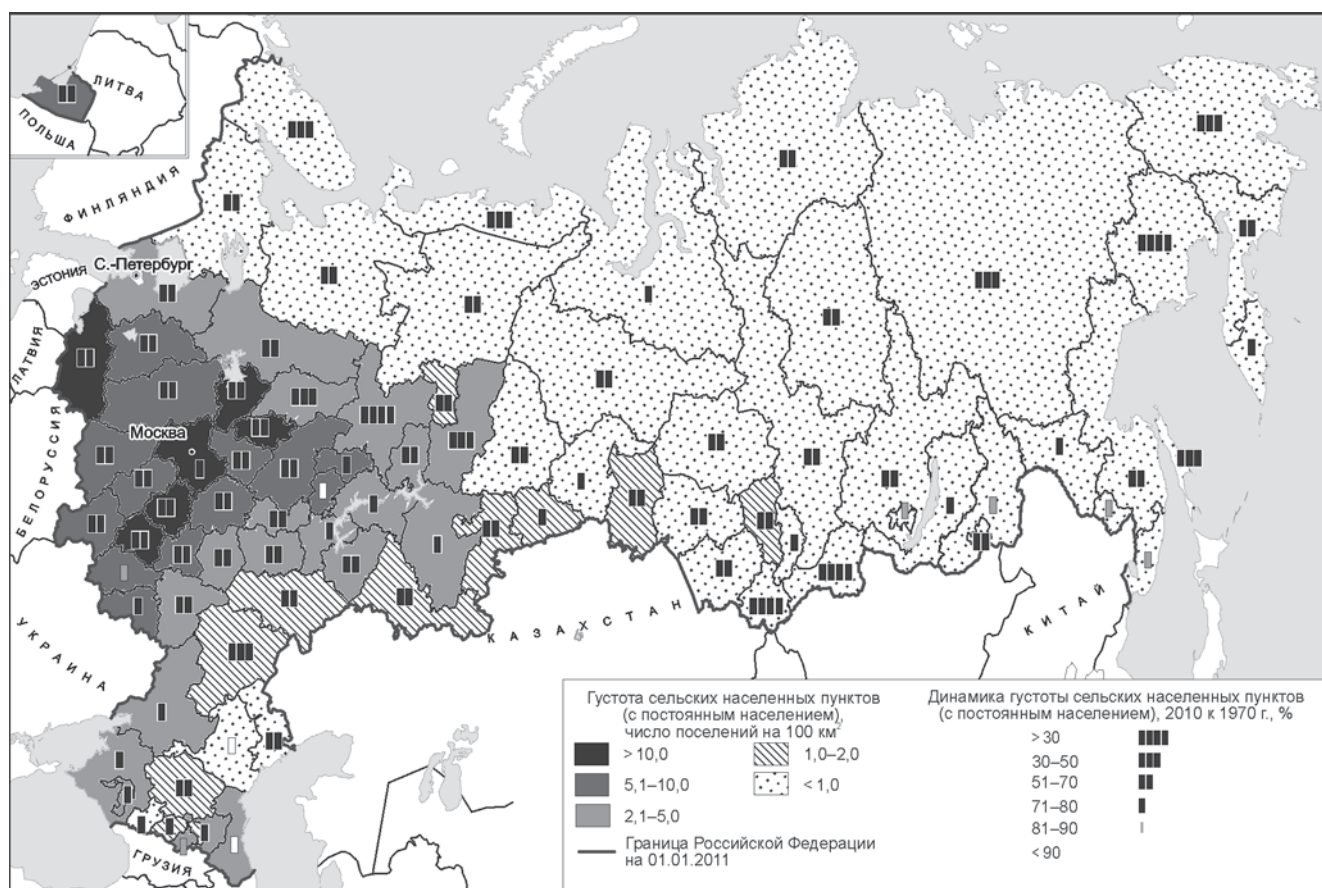

Рис. 2. Густота сельских населенных пунктов в 2010 г. (данные по Чечено-Ингушетии приводятся в границах 1989 г.)

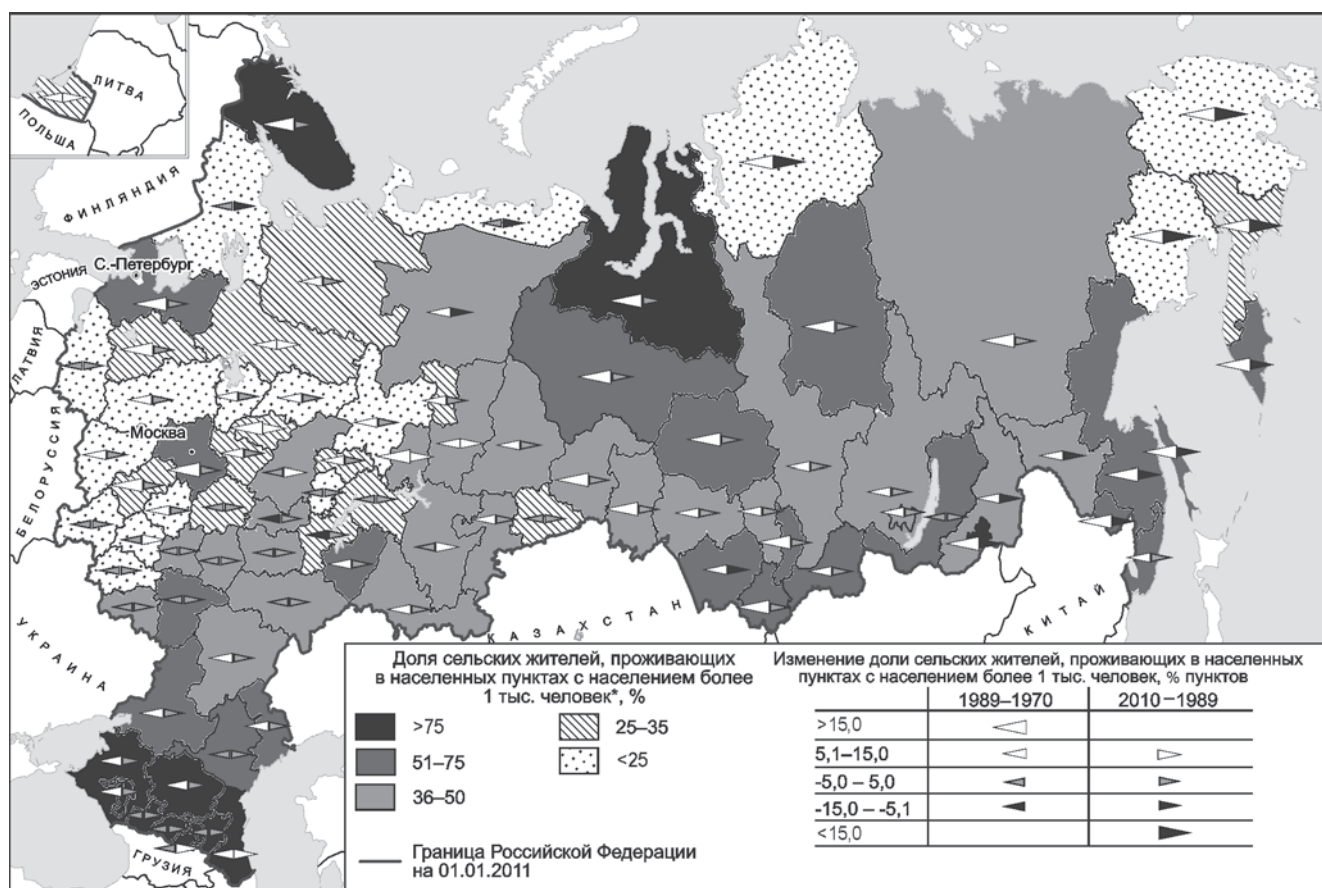

Рис. 3. Доля сельских жителей, проживающих в крупных населенных пунктах (>1 тыс. человек) в 2010 г. (без учета поселков городского типа, утративших статус городских поселений; данные по Чечено-Ингушетии приводятся в границах 1989 г.)

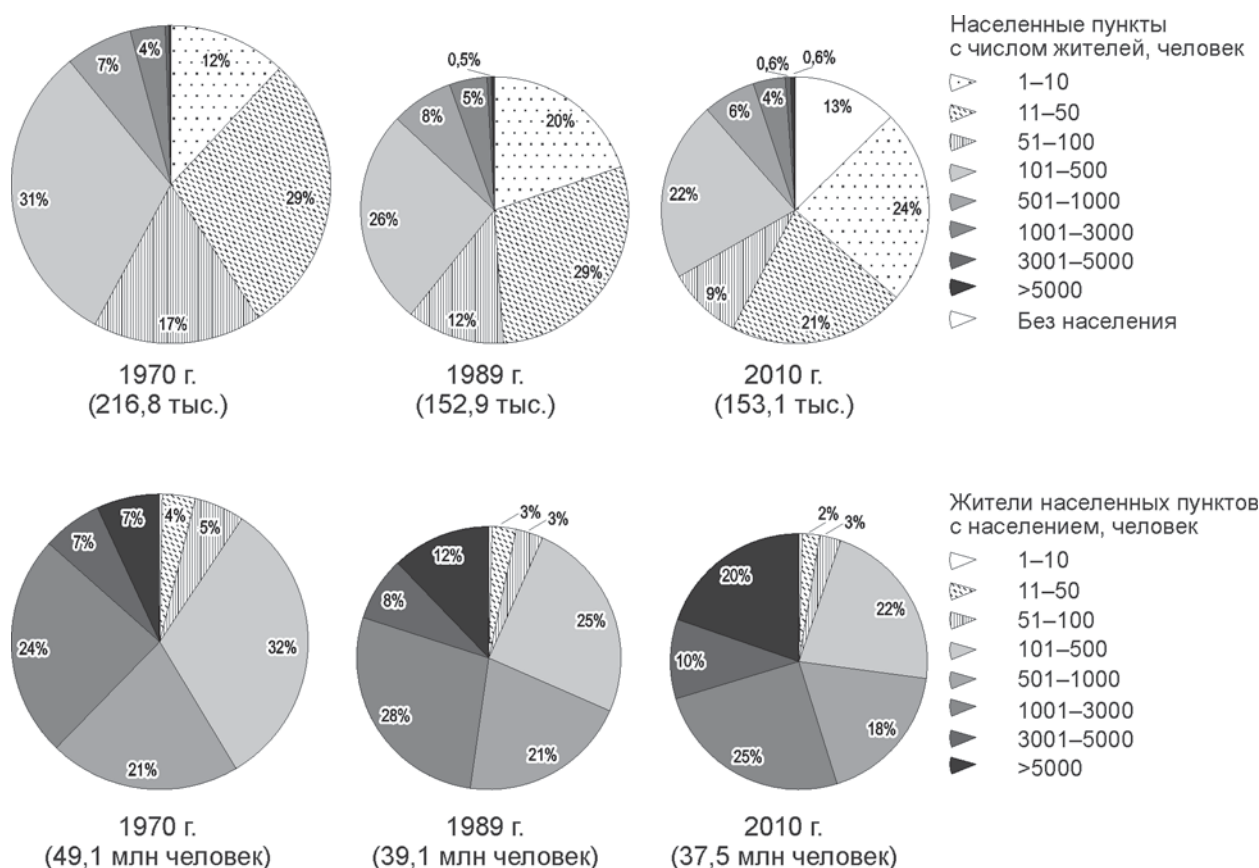

Рис. 4. Распределение сельского населения по населенным пунктам разной людности в 1970–2010 гг., %. Размеры круговых диаграмм пропорциональны значениям показателя

ных пунктов сокращается за счет средних (200–500 жителей), но их доля невелика и почти не отражается на распределении населения.

В Центральной России с традиционной мелкоселенностью и быстрым уменьшением численности населения статистически наиболее устойчивым кажется население деревень с числом жителей >500 человек, но это не означает, что из этих поселений нет оттока. Миграционный отток в города здесь присутствует во всех группах людности, но в более крупных поселениях он перекрывается переселенцами из мелких поселков, численность населения в которых (и число таких поселков) быстро сокращается. А число мельчайших поселений (<10 жителей) даже растет, так как в эту категорию переходят более крупные поселения.

В регионах лесостепной и степной зон (Татарстан, Самарская область) ситуация похожа на таковую в Тверской области (размывание “середины”), но здесь население теряют уже и более крупные села (500–5000 жителей), и число этих поселений сокращается, а растут только самые крупные поселения с численностью населения >5000 человек.

Общее для всех графиков изменения структуры людности — замедление темпа изменений, из-

менения в советский период (1970–1989) гораздо существеннее, чем в постсоветский (1989–2010). Можно высказать гипотезу, что структура сельского расселения в большинстве регионов, видимо, подходит к состоянию равновесия. Но проверить это можно будет только при следующей переписи населения (если сохранится учет отдельных населенных пунктов, в чем уверенности пока нет).

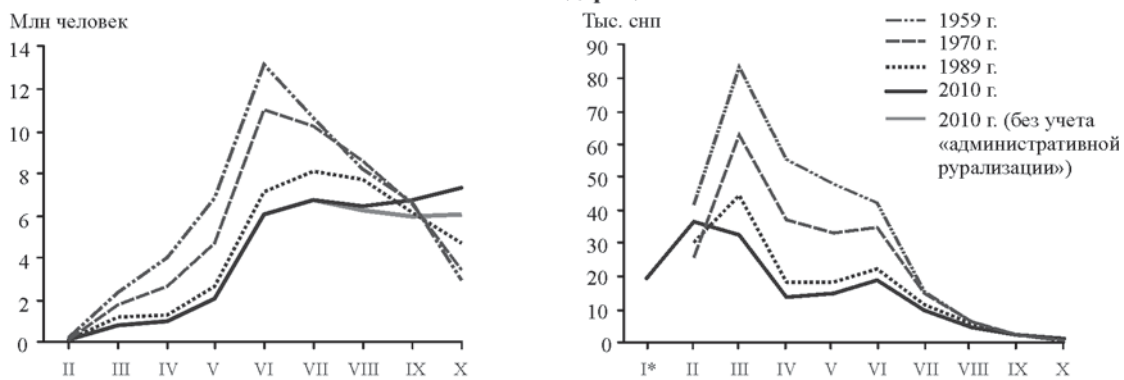
Наряду с трансформацией сети сельских поселений и перераспределением сельских жителей между поселениями разной людности можно выделить еще две существенные тенденции, непосредственно влияющие на темп и характер трансформации сельского расселения России.

Первая тенденция заключается в значительном ослаблении или утрате традиционной связи жителей сельской местности с сельским хозяйством. Еще в конце советского периода, когда официальной безработицы не было, доля трудоспособных сельчан, занятых в аграрной сфере, составляла около 1/3, к 2013 г. она сократилась почти в 2 раза, а если учитывать лишь крупные и средние предприятия, то в 3 раза.

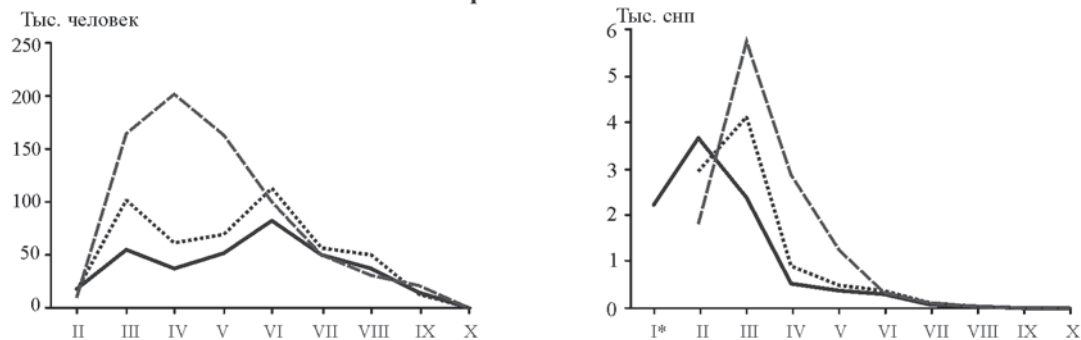
Технологические особенности и продуктивность сельскохозяйственного производства на этапе

Рис. 5. Распределение сельских поселений по численности населения и сельского населения по населенным пунктам разной людности: I — населенные пункты без населения; сельские населенные пункты (снп) с населением, человек: II — ≤10, III — 11–50, IV — 51–100, V — 101–200, VI — 201–500, VII — 501–1000, VIII — 1001–2000, IX — 2001–5000, X — >5000

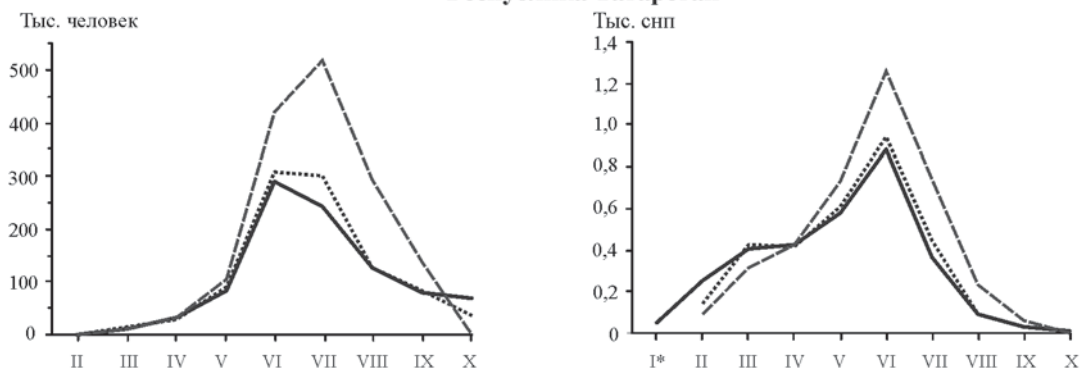
Российская Федерация

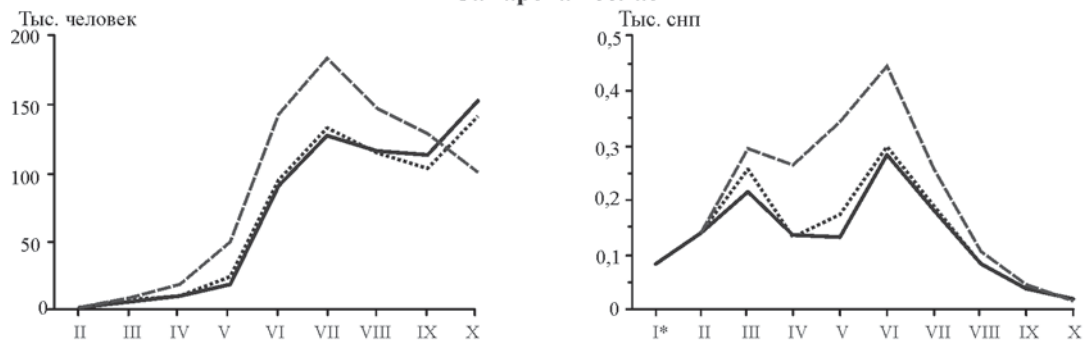
Тверская область

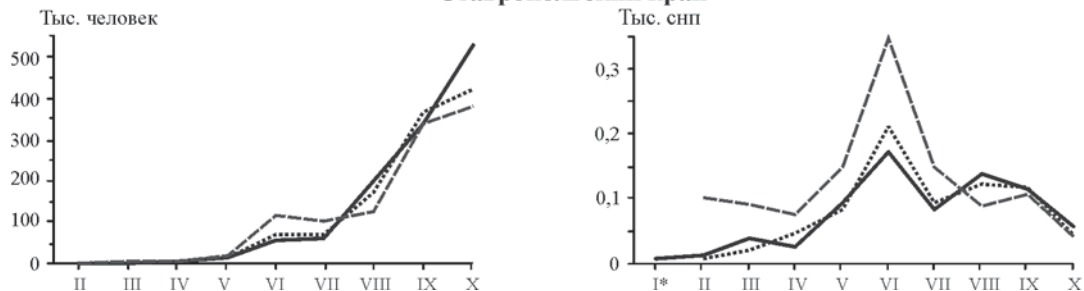
Республика Татарстан

Самарская область

Ставропольский край

формирования (XVI — начало XX в.) во многом определили густоту и людность сети сельских поселений. Дополнительными факторами выступали природные условия, историко-культурные различия регионов, в частности особенности социальной структуры населения, роль крестьянской общины. Распространенность и формы крепостной зависимости, а позднее и колхозно-совхозная система во многом законсервировали сложившуюся систему сельского расселения. Поэтому уход от традиционной аграрной занятости ускорил в постсоветский период преобразования в системе сельского расселения.

Открытая статистика позволяет лишь по отдельным регионам примерно оценить структуру занятости сельского населения (рис. 6). Зональные агроклиматические факторы обуславливают увеличение доли сельского населения, непосредственно связанного с сельским и лесным хозяйством, от 4,5% на Севере европейской части России до 10–16% в регионах степной и лесостепной зон. При этом

доля занятых на крупных и средних сельскохозяйственных предприятиях, по данным муниципальной статистики, невелика и тесно связана с результатами экономических реформ — числом сохранившихся крупных коллективных хозяйств и приходом в регион агрохолдингов, новых вертикально интегрированных компаний. Важен и размер регионального центра, который выступает как важный потребитель сельскохозяйственной продукции, например Новосибирск. Среди рассмотренных регионов заметно выделяется Белгородская область, где агроклиматический фактор дополняется институциональным — благоприятным предпринимательским климатом, созданным многолетними усилиями местной власти. Но и здесь доля занятых на крупных и средних сельскохозяйственных предприятиях едва достигает 10% от всего трудоспособного населения.

Доля самозанятых, большинство из которых составляют официально зарегистрированные фермеры и граждане, основная форма дохода которых —

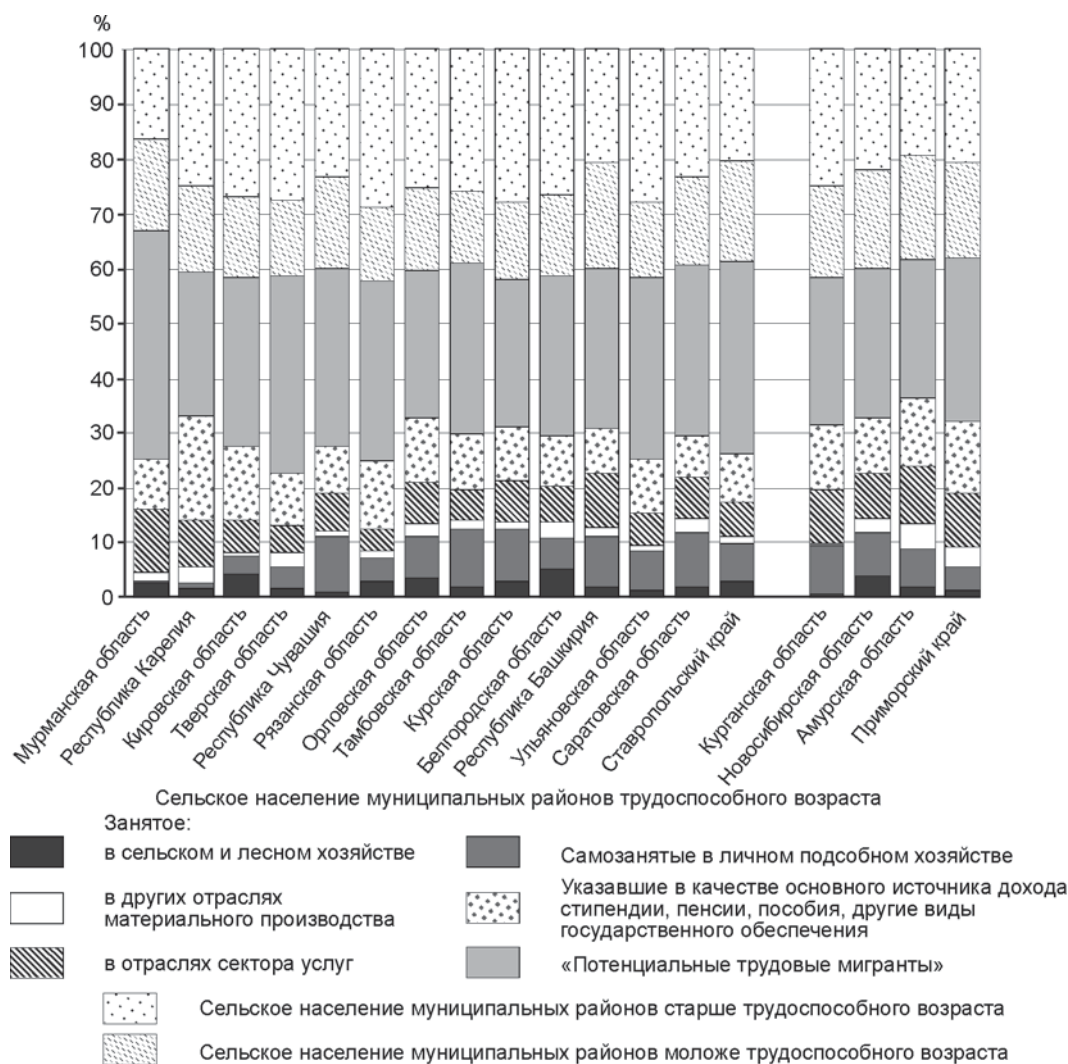

Рис. 6. Структура сельского населения муниципальных районов некоторых регионов России, 2013 г.

База данных муниципальных образований Госкомстата РФ [Электронный ресурс] URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst.htm>. Оценка доли самозанятых в личном подсобном хозяйстве и населения, указавшего в качестве основного источника дохода стипендии, пенсии, пособия, другие виды государственного обеспечения, дана по материалам Всероссийской переписи населения 2010 г.

личное подсобное хозяйство (ЛПХ)⁴, максимальна в относительно слабых аграрных регионах, например в Республике Чувашия, Тамбовской области или в регионах с относительно развитым фермерством, таких, как Саратовская область. В первом случае ЛПХ — форма вынужденной адаптации сельского населения к существующим социально-экономическим реалиям.

Роль остальных отраслей материального производства на рынке труда в сельской местности невелика. На общем фоне выделяются регионы с многочисленными предприятиями, перерабатывающими местную сельскохозяйственную продукцию, или с развитыми пригородными зонами, в которых размещаются разнообразные производственные и инфраструктурные объекты. Сектор услуг, как правило, сопоставим со всеми остальными отраслями экономики, а в северных регионах даже превышает их по числу рабочих мест.

Большая же часть трудоспособных сельских жителей (от 30 до 50%), даже с учетом населения, указавшего, по материалам переписи населения, в качестве основного дохода разные виды социальных выплат, выпадает из поля зрения официальной статистики занятости. Это или трудовые мигранты всех категорий и члены их семей — от маятниковых, выезжающих в ближайшие города, до отходников, на разные сроки отправляющихся на заработки прежде всего в крупнейшие городские агломерации; или маргинализирующееся население, живущее случайными заработками; или люди, находящиеся на иждивении.

В результате в постсоветский период в большинстве регионов произошла смена функций сельских поселений с аграрной производственной на третичную или селитебную. Эти процессы дополнительно усиливаются начавшимся еще в советский период старением сельского населения в результате как отрицательного естественного прироста, так и миграции, местами оно уже переходит в депопуляцию [Аверкиева, 2013; Алексеев, 1990]. Все эти процессы “размывают” сельский социум и опосредованно приводят к деградации сельского расселения и сжатию обитаемого пространства [Нефедова, 2005]. За прошедшие годы в новых условиях выросло новое поколение сельчан, для которых привлекательность традиционных сельскохозяйственных занятий резко снизилась, они, по-видимому, иначе видят свою судьбу.

Вторая тенденция, заметно проявившаяся в постсоветский период, — рост доли азональных типов расселения, никак не связанных с исторически сложившимися типами расселения. Наиболее крупный и широко распространенный из них — пригородное расселение, с каждым годом включающее

в сферу влияния все большую долю сельских жителей. Этот процесс идет за счет двух слагаемых — собственного развития крупного городского центра, концентрирующего все большую долю рабочих мест и привлекательного для населения качеством и разнообразием предоставляемых услуг, или же в результате относительной концентрации уменьшающегося сельского населения на фоне депопуляции и деградации сети сельских поселений.

Чаще всего оба этих компонента суммируются, что характерно для большинства регионов Европейской России⁵ (за исключением Северного Кавказа). Часть региональных центров и крупных городов подпитывалась за счет включения в городскую черту ближайшей сельской местности. Последние волны такой “административной урбанизации” были связаны со стремлением региональных столиц сохранить численность населения по итогам переписей населения в 2002 и 2010 гг., а также с организацией городских округов в ходе муниципальной реформы 2000-х гг. [Глезер, 2013]. В депопулирующих регионах Восточной Сибири, Дальнего Востока и Севера европейской части России второй компонент является основным, и стремительно уменьшающееся сельское население пока удерживается в окрестностях региональных центров.

Определение зон влияния крупных городов, вокруг которых в первую очередь и складываются ареалы пригородного расселения, представляет сложную задачу, требующую учета и транспортной проницаемости территории, и такого состояния экономики основных городских центров, которое обуславливало бы их привлекательность для трудовых мигрантов. В первом приближении для оценки масштаба этого явления можно проанализировать динамику сельского населения пригородных муниципальных образований, непосредственно прилегающих к региональным центрам и крупным (>200 тыс. человек) городам.

Доля такого сельского населения в постсоветский период росла почти по всей стране. Исключение составили лишь некоторые регионы Северного Кавказа с благоприятными природно-климатическими условиями, крупными ареалами курортно-рекреационного расселения (Краснодарский, Ставропольский края, Карачаево-Черкесия) или регионы, сохраняющие расширенное воспроизводство населения (Дагестан, Чечня, Ингушетия). В настоящее время в большинстве регионов в окрестностях регионального центра проживает от 20 до 30% сельских жителей (рис. 7). Меньшие значения (<20%) характерны для обширных субъектов РФ с плохой транспортной связностью или областей, в которых региональные центры в 1990–2000-е гг. присоединили существенную часть окружающей сельской местности.

⁴ Оценка на основе результатов Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 5. Источники средств к существованию. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 15.12.2014).

⁵ Отдельный случай — Московская область, сельское население которой и до изменения границ Москвы в 2013 г. почти целиком, за исключением жителей 5 периферийных районов, могло быть отнесено к числу пригородного.

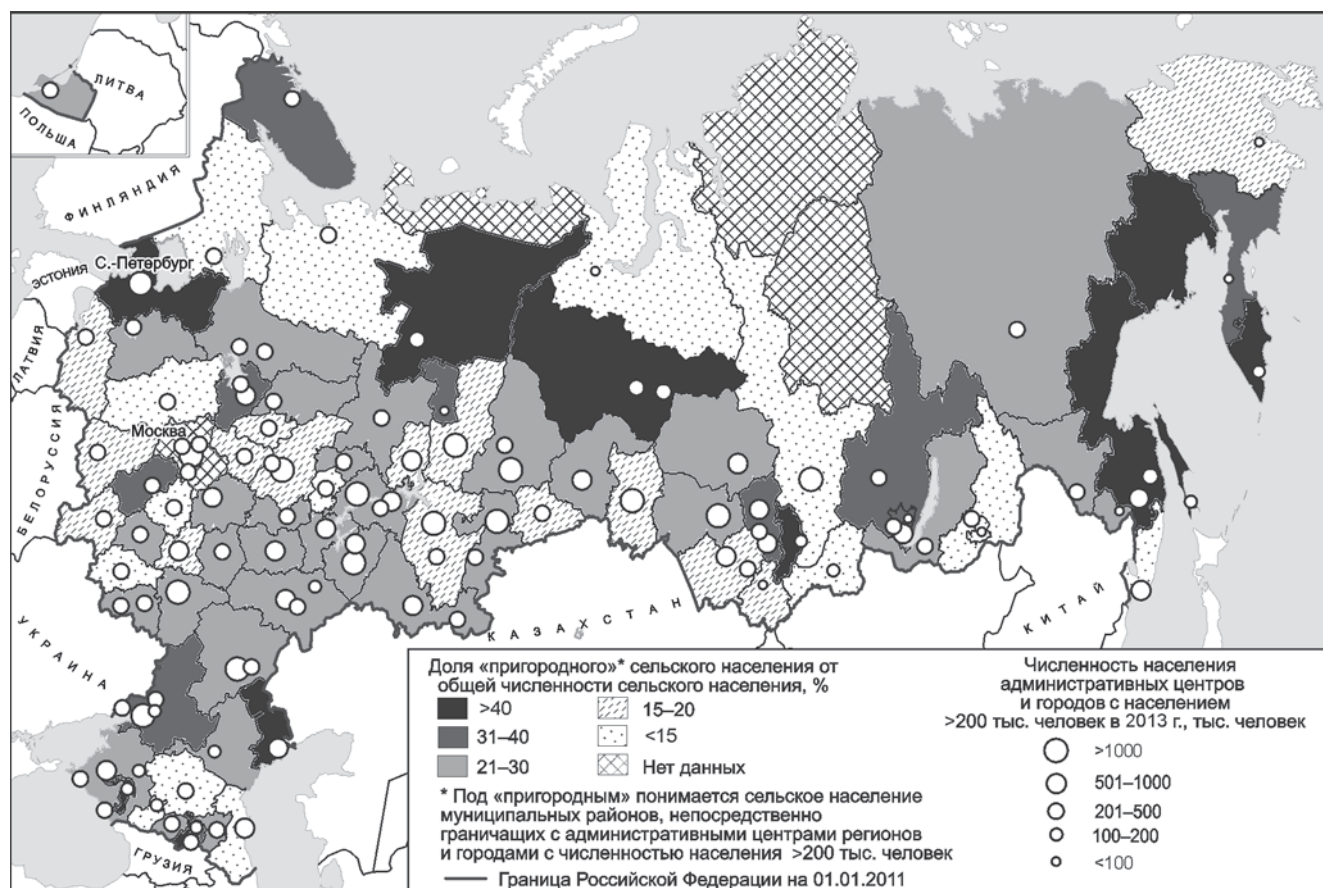

Рис. 7. Сельское население пригородных муниципальных районов в 2010 г. Под пригородным понимается сельское население муниципальных районов, непосредственно граничащих с административными центрами регионов и городами с численностью населения ≥ 200 тыс. человек

Расширение сферы влияния пригородного сельского расселения происходит параллельно с размыванием исторически сложившихся зональных типов, связанных с ландшафтными и агроклиматическими особенностями территории. Это размывание идет как за счет вовлечения сельских жителей в миграцию разных типов и продолжительности, так и за счет усиления влияния на сельскую местность временного, сезонного населения [Браде и др., 2013].

Выводы:

- трансформацию сельского расселения в России можно рассматривать как с узкорасселенческой точки зрения, так и с более широкой, затрагивающей процесс изменения функций сельских поселений, характера функционирования всей сети сельских поселений. Многие из этих процессов началась еще в конце советского периода под влиянием преимущественно внешних, экзогенных по отношению к сельскому расселению факторов, в первую очередь в результате развития урбанизации;

- в постсоветский период сокращение численности сельского населения происходит на фоне концентрации сельского населения во все более крупных поселениях. При этом, как правило, число средних поселений уменьшается за счет

их измельчания и перехода в разряд мельчайших. Однако конкретные варианты трансформации структуры сети поселений могут сильно различаться по регионам — от постепенного “проседания” всей сети сельских поселений с медленным уменьшением средней людности в относительно благополучных регионах лесостепной зоны до обвала сети в областях Нечерноземья. Постоянное укрупнение людности поселений при сохранении общего рисунка сети характерно лишь для небольшого числа наиболее благополучных регионов Юга России;

- темп изменения структуры людности сельских поселений был максимален в конце советского периода и существенно замедлился в 1990—2000 гг. Поэтому можно высказать осторожную гипотезу о том, что структура сельского расселения в большинстве регионов, видимо, подходит к состоянию равновесия. Анализ этого в будущем может серьезно осложнить новая система учета населения в разрезе муниципальных образований, не предусматривающая сбор данных по сельским населенным пунктам;

- в постсоветский период все большее значение стали играть факторы, имеющие эндогенную природу, т.е. трансформирующие сельскую местность изнутри, прежде всего это изменение экономической основы села, а вместе с ним и функций

многих сельских поселений, утративших поселкообразующую базу в виде подразделений коллективных сельхозпредприятий. В результате в структуре занятости сельского населения в большинстве регионов наряду с личным подсобным хозяйством ведущую роль играет социальная сфера. Значительная часть трудоспособного сельского населения находит источники существования за пределами места своего проживания, включаясь в трудовую миграцию;

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

- Аверкиева К.В.* Сельская местность Нечерноземья: депопуляция и возможные пути адаптации к новым условиям // *Вопр. географии. Сб. 135. География населения и социальная география.* М.: Кодекс, 2013. С. 108–125.
- Averkieva K.V.* Selskaya mestnost' Nechernozem'ya: depolyatsiya i vozmozhnye puti adaptatsii k novym usloviyam [Rural Non-Chernozem Zone: depopulation and possible ways of adaptation to new conditions], *Voprosy Geografii, Geografiya naseleniya i sotsial'naya geografiya* [Problem of Geography, Geography of Population and Social Geography], V. 135, Kodeks, Moscow, 2013, pp. 108–125 (in Russian).
- Алексеев А.И.* Многоликая деревня: население и территория. М.: Мысль, 1990.
- Alekseev A.I.* Mnogolikaya derevnya: naselenie i territoriya [Many-Sided Countryside: Population and Territory], *Myisl'*, Moscow, 1990 (in Russian).
- Алексеев А.И., Гладкова О.Н., Краснослободцев В.П.* Эволюция систем сельского расселения в постсоветский период // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География.* 2007. № 4. С. 23–29.
- Alekseev A.I., Gladkova O.N., Krasnoslobodtsev V.P.* Evolyutsiya sistem sel'skogo rasseleniya v postsovet'skiy period [Evolution of rural settlement system in the post-Soviet period], *Vestnik Moskovskogo Universiteta, seria 5, Geografiya*, 2007, no 4, pp. 23–32 (in Russian).
- Алексеев А.И., Зубаревич Н.В., Регент Т.М.* Опыт изучения эффективности сселения жителей сельских населенных пунктов в Нечерноземной зоне РСФСР // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География.* 1980. № 1. С. 25–35.
- Alekseev A.I., Zubarevich N.V., Regent T.M.* Opyt izucheniya effektivnosti sseleniya zhiteley selskih naselennykh punktov v Nechernozemnoy zone RSFSR [The experience of studying the effectiveness of resettlement of residents of rural settlements in the Nonchernozem zone of the RSFSR], *Vestnik Moskovskogo Universiteta, seria 5, Geografiya*, 1980, no 1 (in Russian).
- Браде И., Махрова А.Г., Нefeldова Т.Г., Трейвиш А.И.* Особенности субурбанизации в Московской агломерации в постсоветский период // *Изв. РАН. Сер. геогр.* 2013. № 2. С. 19–29.
- Brade I., Mahrova A.G., Nefedova T.G., Treyvish A.I.* Osobennosti suburbanizatsii v Moskovskoy aglomeratsii v postsovet'skiy period [Peculiarities of suburbanization in Moscow agglomeration in Post-Soviet period], *Izvestiya Rossiyskoy Akademii Nauk, seria geograficheskaya*, 2013, no 2, pp. 19–29 (in Russian).
- Глезер О.Б.* Система местного самоуправления как составная часть институциональной среды расселения в современной России // *Вопр. географии. Сб. 135. География населения и социальная география.* М.: Кодекс, 2013. С. 224–244.
- Glezer O.B.* Sistema mestnogo samoupravleniya kak sostavnaya chast institutsionalnoy sredy rasseleniya v sovremennoy Rossii [Local self-government system as a component of the institutional environment of settlement pattern in modern Russia], *Voprosy Geografii, Geografiya naseleniya i sotsial'naya geografiya* [Problem of Geography, Geography of Population and Social Geography], V. 135, Kodeks, Moscow, 2013, pp. 224–244 (in Russian).
- Зайончковская Ж.А., Иоффе Г.В.* Динамика расселения в Московском регионе как отражение постсоветских трансформаций // *Вопр. географии. Сб. 135. География населения и социальная география.* М.: Кодекс, 2013. С. 188–223.
- Zayonchkovskaya Zh.A., Ioffe G.V.* Dinamika rasseleniya v Moskovskom regione kak otrazhenie postsovet'skikh transformatsiy [Dynamics of settlement pattern in the Moscow oblast as a reflection of post-Soviet transformations], *Voprosy Geografii, Geografiya naseleniya i sotsial'naya geografiya* [Problem of Geography, Geography of Population and Social Geography], V. 135, Kodeks, Moscow, 2013, pp. 188–223 (in Russian).
- Зубаревич Н.В.* Трансформация сельского расселения и сельской сети услуг в регионах // *Изв. РАН. Сер. геогр.* 2013. № 3. С. 26–38.
- Zubarevich N.V.* Transformatsiya sel'skogo rasseleniya i sel'skoy seti uslug v regionah [Transformation of the rural settlement pattern and social services network in rural areas], *Izvestiya Rossiyskoy Akademii Nauk, seria geograficheskaya*, 2013, no 3, pp. 26–38 (in Russian).
- Казьмин М.А., Чернышева Е.А.* Современная динамика сельского расселения Европейской России // *Региональные исследования.* 2006. № 4. С. 65–77.
- Kazmin M.A., Chernysheva E.A.* Sovremennaya dinamika sel'skogo rasseleniya Evro-peyskoy Rossii [Modern dynamics of rural settlements in European Russia], *Regional'nye issledovaniya*, 2006, no 4, pp. 65–77 (in Russian).
- Калинина И.В.* Изменение функций сельских населенных пунктов на рубеже XX–XXI веков (на примере Еврейской автономной области) // *Региональные исследования.* 2013. № 3. С. 36–44.
- Kalinina I.V.* Izmenenie funktsiy sel'skih naselennykh punktov na rubezhe XX–XXI vekov (na primere Evreyskoy avtonomnoy oblasti) [Changes of functions of rural settlements in the turn of XX–XXI centuries (a case study of the Jewish Autonomous Oblast)], *Regionalnye issledovaniya*, 2013, no 3, pp. 36–44 (in Russian).

Ковалев С.А. Развитие сельского расселения в Советском Союзе // *Вопр. географии. Сб. 135. География населения и социальная география. М.: Кодекс, 2013. С. 126–147.*

Kovalev S.A. Razvitie sel'skogo rasseleniya v Sovetskom Soyuze [Evolution of rural settlement pattern in the Soviet Union], *Voprosy Geografii, Geografiya naseleniya i sotsial'naya geografiya* [Problem of Geography, Geography of Population and Social Geography], V. 135, Kodeks, Moscow, 2013, pp. 126–147 (in Russian).

Левченко А.В. Взаимосвязи системы сельского расселения и ландшафтных факторов Калининградской области // *Вестн. КГУ. Сер. Экология региона Балтийского моря. 2004. Вып. 5. С. 33–39.*

Levchenkov A.V. Vzaimosvyazi sistemy sel'skogo rasseleniya i landshaftnykh faktorov Kaliningradskoy oblasti [The Relationships of the system of rural settlement and landscape factors in the Kaliningrad region], *Vestnik Kaliningradskogo Universiteta, seria Ekologiya regiona Baltiyskogo morya*, 2004, V. 5, pp. 33–39 (in Russian).

Лухманов Д.Н. Миграционная ситуация в сельской местности (на примере Оренбургской области) // *Миграционная ситуация в регионах России. Вып. 1. Приволжский федеральный округ / Под ред. С.С. Артоболевского, Ж.А. Зайончковской. М., 2004. С. 73–108.*

Luhmanov D.N. Migratsionnaya situatsiya v selskoy mestnosti (na primere Orenburgskoy oblasti) [Migration situation in rural areas (example of Orenburg region)], *Migratsionnaya situatsiya v regionah Rossii. V. 1. Privolzhskiy federal'nyy okrug / Pod red. S.S. Artobolevskogo, Zh.A. Zayonchkovskoy*, Moscow, 2004, pp. 73–108 (in Russian).

Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909.

Lyubavskiy M.K. Istoricheskaya geografiya Rossii v svyazi s kolonizatsiey [Historical geography of Russia in connection with colonization], Moscow, 1909.

Нефедова Т.Г. Депопуляция сельской местности и агропроизводство // *Россия и ее регионы в XX в. М.: ОГИ, 2005. С. 341–356.*

Nefedova T.G. Depopulyatsiya selskoy mestnosti i agro-proizvodstvo [Depopulation of rural area and agricultural production], *Rossiya i ee regiony v XX v. [Russia and Its Regions in XX Century]*, OGI, Moscow, 2005, pp. 341–356 (in Russian).

Нефедова Т.Г. Основные тенденции изменения социально-экономического сельского пространства сельской России // *Изв. РАН. Сер. геогр. 2012. № 3. С. 5–21.*

Nefedova T.G. Osnovnye tendentsii izmeneniya sotsial'no-ekonomicheskogo sel'skogo prostranstva sel'skoy Rossii [Major trends for changes in the socioeconomic space of rural Russia], *Izvestiya Rossiyskoy Akademii Nauk, seria geograficheskaya*, 2012, no 3, pp. 5–21 (in Russian).

Турун П.П. Основные черты трансформации сельского расселения Ставропольского края в 1959–2010 гг. // *Вопр. географии. Сб. 135. География населения и социальная география. М.: Кодекс, 2013. С. 322–335.*

Turun P.P. Osnovnyie cherty transformatsii sel'skogo rasseleniya Stavropol'skogo kraya v 1959–2010 gg. [Basic lines of transformation of rural settlement pattern in Stavropol krai during 1959–2010], *Voprosy Geografii, Geografiya naseleniya i sotsial'naya geografiya* [Problem of Geography, Geography of Population and Social Geography], V. 135, Kodeks, Moscow, 2013, pp. 322–335 (in Russian).

Эльдаров Э.М. Дагестан: факторы развития сельской системы расселения в постсоветский период // *Кавказ и глобализация. 2008. Т. 2, № 1. С. 105–115.*

Eldarov E.M. Dagestan: faktory razvitiya selskoy sistemy rasseleniya v postsovetskiy period [Dagestan: factors of the development of the rural settlement system in the post-Soviet period], *Kavkaz i globalizatsiya*, 2008, V. 2, no 1, pp. 105–115 (in Russian).

Поступила в редакцию
09.02.2015

A.I. Alexeev, S.G. Safronov

CHANGES IN RURAL SETTLEMENT PATTERNS IN RUSSIA DURING THE LATE 20TH — EARLY 21ST CENTURIES

Transformation of the rural settlement patterns in Russia is discussed both from traditional settling point of view and considering the changing functions of rural settlements. The dynamics of rural population numbers during late-Soviet and post-Soviet periods was analyzed using 1970, 1989 and 2010 Censuses data, as well as the spatial density and population numbers of rural settlements. The general trend of the rural settlement patterns is the overall decrease of rural population numbers and concentration of rural dwellers in larger settlements. These processes were not simultaneous in different regions of this country and were combined with diverse changes in population numbers of rural settlements. Gradual decrease was typical for rather well-going regions of the forest-steppe zone, while the Non-Chernozem region experienced a rapid failure with medium-size settlements turning into the smallest-size ones. Permanent increase in rural population numbers and preservation of the overall settlement network pattern is typical just for few regions of Southern Russia.

These processes started in the Soviet period under the influence of the external factors, mainly the urbanization development. During the post-Soviet period the internal factors became more important. These are the changes of the rural economic basis and the functions of many rural settlements which lost their positions as subdivisions of collective agricultural enterprises. Another factor is the rapid growth of suburban settlement pattern which has other functions, is influenced by other factors and produces other type of rural dwellers than traditional rural country.

Key words: rural settlement pattern, population density, density of settlements, population numbers of settlements, suburban settlement, transformation of population employment, mapping of rural settlement patter.